

в единое имперское пространство, но и выявить общие подходы, которые были характерны для представителей высшей бюрократии в отношении инкорпорации местных элит на окраинах. Научная публикация делопроизводственных материалов этого комитета также призвана расширить и уточнить выводы историков о механизмах принятия решений и процессе функционирования центральных государственных учреждений николаевского времени. Представленные в данной публикации обширная фактологическая основа и методологически выверенный научный аппарат являются весьма востребованными для исследований императорской России, направленных как на верификацию

и научную критику ряда этноцентристских концепций, так и на творческое развитие лучших достижений дореволюционной, советской и современной историографии.

Примечания

¹ Ремнёв А. В. Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX — начало XX века). М., 2010. С. 252–254.

² Документы Особого комитета под председательством кн. А. Н. Голицына частично опубликованы: Комзолова А. А. Николаевские сановники и «бывшая Литва»: из архива Комитета западных губерний, 1830–1831 гг. // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2019. № 4(16). С. 15–39.

³ Две записки (графа) М. Н. Муравьева // Русский архив. 1902. № 8. С. 586.

Григорий Бибилов

Рец. на: А. Ю. Скрыдлов. Административная статистика в дореформенной России (1802–1852). СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2022. 282 с.

Grigoriy Bibikov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: A. Yu. Skrydlov. Administrativnaya statistika v doreformennoy Rossii (1802–1852). Saint Petersburg, 2022

DOI: 10.31857/S2949124X24060283, EDN: RJQOIJ

Петербургский историк А. Ю. Скрыдлов, автор научной биографии А. Д. Балашёва¹, являвшегося, помимо прочего, основателем первого в России статистического центра, в новой работе осветил историю административной статистики дореформенного времени. Ранее она рассматривалась в обобщающих трудах², но не становилась ещё предметом монографии.

Книга разделена на две части. В первой из них характеризуются «ведомственные центры статистических исследований» первой половины

XIX в. (соответствующие отделения министерств полиции, внутренних дел, государственных имуществ), а во второй — собраны источники, отразившие «сложный процесс институционализации административной статистики в России», причём 23 из 27 воспроизведённых документов извлечены из хранящихся в РГИА фондов Канцелярии министра внутренних дел, Центрального статистического комитета и Департамента полиции исполнительной МВД, Комитета министров и Государственной канцелярии, снаб-

жены кратким содержательным комментарием и впервые опубликованы.

Автор раскрывает «исторические и политические условия, в которых происходило формирование органов административной статистики», старается «выявить основные результаты их деятельности, их влияние на процесс модернизации страны» и «проследить дискуссии среди представителей правящей элиты о роли и значении статистических исследований в процессе государственного управления» (с. 21). В основе наблюдений Скрыдлова — анализ законодательных актов, делопроизводственных материалов, включая проекты реорганизации статистических центров, отчёты их руководителей, ведомственную переписку. Знакомство с этими текстами облегчают отсылки к тем страницам первой части, на которых говорится об обстоятельствах их создания. Характерно, что Скрыдлов поместил заключение к книге после подборки документов, показав тем самым их необходимость для понимания общего замысла работы.

Первая часть монографии состоит из четырёх глав. Изложение ведётся в хронологической последовательности, подробно рассмотрены ключевые эпизоды создания и преобразований статистических подразделений, сопровождавшие их дискуссии, нереализованные проекты и т.п. Текст насыщен фактическим материалом и пространственными цитатами из источников. Опираясь на литературу по истории государственного управления, Скрыдлов вписывает изучаемые сюжеты в более широкий контекст. При этом о взаимосвязи бюрократических проектов с развитием академической и университетской статистики сказано сравнительно немного³. В обстоятельных биографических очерках приведены ценные сведения о руководителях отечественной статистики, но состав возглавлявшихся ими учреждений и их

текущая деятельность очерчены лишь в общих чертах.

После краткого экскурса в XVIII в. Скрыдлов упоминает об «обществе дворян», учреждённом в 1802 г. министром внутренних дел гр. В.П. Кочубеем для обработки губернаторских отчётов. В этом порой усматривают начало административной статистики в России. Однако документальных свидетельств практической деятельности данного общества почти не сохранилось, и автор не склонен считать его подразделением МВД (с. 28–29). Только в августе 1811 г. при Общей канцелярии Министерства полиции появилось Статистическое отделение «с определённой структурой и перечнем полномочий» (с. 34). Начальником его стал видный учёный К.Ф. Герман (с. 38–47). Скрыдлов связывает это с реформами М.М. Сперанского: ожидалось, что центральные ведомства станут представлять ежегодные отчёты в Государственный совет, а Статистическое отделение — обрабатывать эти материалы и готовить справки для ведомств. Но практика ежегодной министерской отчётности в 1810-х гг. не сложилась, и работать приходилось преимущественно с губернаторскими отчётами, поступавшими теперь в Министерство полиции. Возглавлявший его Балашёв, судя по предписаниям и запискам, вынашивал планы создания общей статистики Российской империи, собирался командировать чиновников в губернии и поручить им искать сведения в научных трудах и журналах. Но практические возможности отделения, не предусмотренного в штатах ведомства, не получившего дополнительных ассигнований и состоявшего поэтому из нескольких внештатных чиновников, не соответствовали столь широкому замыслу. Неудивительно, что достигнутые им результаты оказались весьма скромными.

С лета 1812 г. Балашёв, находясь при императоре, уже фактически не руководил министерством, но продолжал интересоваться делами Статистического отделения. Статистика воспринималась им как «основательное познание государства во всех его частях в известное время» (с. 172). Даже будучи генерал-губернатором в Рязани, после упразднения Министерства полиции в ноябре 1819 г. он добивался сохранения статистической части в своём подчинении и существенного увеличения его штатов и финансирования (до 60 тыс. руб. в год). В перспективе это могло привести к образованию отдельного ведомства по примеру Швеции (с. 174–178). Александр I передал записку Балашёва для обсуждения в Комитет министров, но там она вызвала принципиальные возражения у гр. Кочубея, вновь занявшего пост главы МВД (с. 183–185). Граф выступил с последовательной критикой увлечения статистикой. Указав на недостоверность губернаторских отчётов, он утверждал, что при отсутствии регулярных и достоверных сведений с мест статистические изыскания в России вообще лишены практического смысла, хотя и полезны в небольших по площади и бюрократизированных европейских государствах. Трудно сказать, был ли опытный сановник, в своё время инициировавший губернаторскую отчётность, вполне искренен, однако Комитет министров, сохранив Статистическое отделение, признал, что оно «само по себе не может составлять никакой отдельной части, но должно принадлежать необходимо к какому-либо министерству» (с. 181). В итоге его передали в МВД.

Постепенный упадок деятельности отделения, продолжавшийся на протяжении 1819–1834 гг., освещён Скрыдловым во второй главе книги. Последовательно сменявшие друг друга министры гр. Кочубей, В.С. Лан-

ской и А.А. Закревский не проявляли заинтересованности в его существовании. С 1823 г. оно входило в состав Департамента полиции исполнительной (с. 200–206). Герман продолжал настаивать на расширении круга статистических исследований, но его предложениям не давали хода. В середине 1820-х гг. отделение находилось на грани ликвидации: ежегодные ассигнования составляли немногим более 5 тыс. руб., постоянные штаты отсутствовали, трое сотрудников вели дела в арендуемом помещении, где в 1828 г. от пожара пострадал архив губернаторских отчётов. Однако введенные в том же году новые формы министерских отчётов стимулировали «возобновление статистических работ как в центральных ведомствах, так и на местном уровне» (с. 74).

В марте 1829 г. положение статистической части обсуждал по поручению Закревского Совет МВД (с. 207–216). Два его члена — В.И. Филатьев и В.И. Голынский — представили особые мнения, высказавшись за активизацию работ и привлечение к ним просвещённых помещиков, поскольку в «благоустроенных государствах Европы» считается невозможным «заведовать какой-либо частью государственного управления, не зная в точности состояния и способов страны своей» (с. 213)⁴. Директора трёх департаментов скептически оценили эти предложения и рекомендовали оставить отделение без научной части, с чем согласился и министр.

Между тем, как отмечено в третьей главе, с 1828 г. известный учёный К.И. Арсеньев преподавал историю и статистику вел. кн. Александру Николаевичу, получив возможность запрашивать в центральных ведомствах материалы для учебного курса (с. 78–88). Статистическому отделению поручалось обеспечивать его нужными сведениями, и в результате Арсеньева

стали воспринимать в правящих кругах как главного производителя статистических исследований.

Реорганизация ведомства, затеянная новым министром Д.Н. Блудовым, в 1834 г. затронула и Статистическое отделение. Теперь оно состояло из директоров департаментов под председательством товарища министра и подчинялось Совету МВД. Арсеньев занял в отделении должность управляющего делами, руководя текущими работами, канцелярией из штатных чиновников, а также возникшей сетью членов-корреспондентов. В губерниях появились статистические комитеты из высших должностных лиц местных учреждений во главе с губернатором, которым следовало собираться дважды в месяц. По мнению Скрыдлова, только с этого момента можно говорить о законодательном оформлении административной статистики в России и её институционализации в системе государственного управления.

Впрочем, в губерниях не оказалось штатной должности производителя статистических работ, а служащие, заваленные делами, не уделяли им большого внимания. Поэтому учреждение губернских комитетов не принесло заметной пользы, и главным источником сведений о ситуации на местах по-прежнему оставались губернаторские отчёты. Арсеньев, судя по его докладным запискам (с. 231–236, 242–250), включился в деятельность МВД по составлению карты ведомственных округов, введению должности станových приставов, изменению административного деления империи и т.д.⁵

Л.А. Перовский, вступив в 1841 г. в управление МВД, сразу же приступил к упорядочению центрального аппарата ведомства. В начале 1842 г. он потребовал отчёт о деятельности Статистического отделения. В записке, представленной Арсеньевым, от-

мечалась слабость губернских комитетов, предлагалось назначить в них штатных чиновников, ответственных за статистическую работу, усилить состав отделения и приступить к подробному описанию двух-трёх губерний Европейской России. Однако Перовский отнёсся к этим соображениям критически. Скрыдлов не объясняет причины его недоверия к наиболее авторитетному учёному-статистику тех лет. Б. Линкольн предполагал, что министру не импонировали подходы Арсеньева и его приверженность гласности проводимых исследований⁶. Так или иначе, при Перовском Статистическое отделение уже не играло заметной роли.

В октябре 1843 г., когда Арсеньев отсутствовал в столице, а его обязанности исполнял директор Хозяйственного департамента М.И. Лекс, Перовский отдал распоряжение учредить Временный статистический комитет, куда наряду с чиновниками МВД вошли представители Министерства государственных имуществ и Императорской Академии наук. Состав комитета, по мнению Скрыдлова, указывал на стремление Перовского создать межведомственный центр для подготовки общего статистического описания. Вместе с тем Линкольн не исключал, что Лекс был в этом деле скорее номинальной фигурой, а план статистических работ разрабатывали в первую очередь Н.А. Милютин и А.П. Заблоцкий-Десятовский⁷. Во второй половине 1840-х гг. основные задачи, стоявшие перед Временным статистическим комитетом, фактически перешли к Отделению статистики Русского географического общества. Однако эта деятельность осталась за рамками книги, поскольку формально не относилась к истории профильных ведомственных центров⁸.

Четвёртая глава представляет собой первый в историографии очерк,

посвящённый трудам Статистического отделения Министерства государственных имуществ с момента его учреждения в 1837 г. до начала 1850-х гг. Основное внимание в ней уделено биографиям руководителей — Заблочно-Десятовского и К.С. Веселовского. Как показал автор, гр. П.Д. Киселёв охотно привлекал в своё ведомство представителей нового поколения чиновников, видевшего в статистике инструмент рационализации управления (к их числу принадлежал и племянник министра В.А. Милютин). Прежде всего отделение собирало сведения о крестьянском хозяйстве, преступности и т.д. В то же время автор констатирует, что отсутствие налаженного взаимодействия и обмена документами между ведомствами препятствовало реализации крупных проектов и вело к дублированию их функций. К примеру, в 1820-х гг. Герман не имел доступа к материалам Медицинского департамента МВД, и даже в Министерстве государственных имуществ в 1840-е гг. начальник Статистического отделения получал отчёты губернских палат только через несколько лет.

Характерно, что учёные и чиновники, настаивавшие на развитии и гласности статистических исследований, обычно придерживались более либеральных взглядов и сочувствовали подготовке реформ⁹. Публичные лекции Германа посещали многие будущие декабристы. В 1821 г. во время «дела профессоров» его, как и Арсеньева, обвиняли в «маратизме и робеспьеризме» (с. 46)¹⁰. Напротив, в «консервативной части элиты» статистика воспринималась как «наука политическая, а значит требующая пристального внимания и контроля со стороны государства» (с. 88). В этих кругах она вызывала известную настороженность, поскольку в ней видели своего рода «покушение на

государственную тайну» (с. 26)¹¹. Показательно, что, руководя подготовкой «Обозрения всех частей государственного управления в 1831 году», барон М.А. Корф включил в него более сотни таблиц, «запас богатейших статистических сведений, частью дотоле никому не доступных». Николай I предполагал опубликовать этот труд для общего сведения, но некоторые министры, а за ними и сам Корф, сочли преждевременным «рассказывать и русским, и Европе младенческие наши попытки и слабые успехи во многих ветвях управления»¹².

К сожалению, сосредоточившись на профильных центрах административной статистики, автор невольно стуживает то, что уже в 1830-х гг. ею занимались также в Медицинском департаменте МВД, в судебном и учебном ведомствах¹³. В 1840-е гг. картина ещё более усложнилась. Скрыдлов лишь кратко упоминает о деятельности Н.А. Милютина во главе временного отделения Хозяйственного департамента МВД, в котором числилось около 30 чиновников (с. 115–116). Но известно, что Николай Алексеевич стал одним из основоположников применения статистики в государственном управлении. С 1842 г. его подчинённые с санкции Перовского проводили «статистические исследования городского хозяйства с целью получения практических сведений для предстоящих преобразований». В губернии было направлено более 160 статистических ревизий¹⁴. Масштаб и детализация этих работ превосходили достижения предшествующей эпохи и стали возможны благодаря росту образования и профессионализма бюрократии¹⁵. В этой связи Скрыдлов справедливо пишет о том, что «появление альтернативных центров статистических исследований внутри МВД... указывало на недостатки в организации профильного подразделения» (с. 116).

Но известная «децентрализация» исследований и тесное переплетение ведомственной и научной статистики в Русском географическом обществе отнюдь не свидетельствовали о стагнации в этой сфере.

В 1840-е гг. в среде «просвещённой» бюрократии, по словам И.А. Христофорова, статистика рассматривалась как важный элемент экспертного знания о территории, населении, ресурсах и необходимый залог преобразования общества «на началах прозрачности и “нормы”». Она получила значение «абсолютного лидера, символа и квинтэссенции всех социальных наук». Неслучайно большинство деятелей Великих реформ, сформировавшихся в те годы, «имели к статистике самое непосредственное отношение»¹⁶. Новые подходы нашли отражение, в частности, в трудах Д.П. Журавского¹⁷ и проектах Д.А. Милютина, намечавших военно-статистическое описание губерний. Эти начинания не имели прямого отношения к ведомственным статистическим центрам, поэтому Скрыдлов фактически обходит их стороной. Однако без учёта этого контекста трудно судить о роли ведомств в становлении отечественной административной статистики. По-видимому, по этой причине автор избегает широких обобщений и явно недооценивает достижения 1840-х гг., утверждая в заключении, что в дореформенную эпоху «перманентный поиск оптимальных форм организации статистических работ при отсутствии реальных практических шагов в этом направлении, очевидно, не приводил к немедленному повышению качества статистических исследований» (с. 266).

Книга завершается учреждением Статистического комитета МВД в 1852 г., когда открылась «новая страница в истории административной статистики в России» (с. 266), увенчавшаяся в 1858–1863 гг. созда-

нием Центрального статистического комитета. Этот этап, впрочем, органично связан с замыслами 1840-х гг. Сам автор констатирует, что «статистические исследования, проводимые в дореформенной России, очевидно, способствовали созданию более объективной и достоверной системы представлений управленческой элиты о российской действительности и, несомненно, внесли свой вклад в процесс подготовки Великих реформ» (с. 268). Но стоило бы соотнести этот вывод с наблюдениями Христофорова о том, что статистика как «универсальный символ знания/власти» формировала «восприятие элитой реальности и тем самым способствовала обратной “подгонке” реальности под представления элиты»¹⁸.

В целом монография А.Ю. Скрыдлова представляет собой первое подробное исследование истории ведомственных статистических центров первой половины XIX в. и вносит значимый вклад в историографию государственного управления и формирования русской бюрократии.

Примечания

¹ Скрыдлов А.Ю. На службе России: Александр Дмитриевич Балашёв, 1770–1837. СПб., 2016.

² См., в частности: Птуха М.В. Очерки по истории статистики в СССР. Т. 1–2. М., 1955–1959.

³ Подробнее автор показал это в серии статей: Скрыдлов А.Ю. Институционализация статистической науки в университетах Российской империи // *Genesis: исторические исследования*. 2020. № 3. С. 24–38; Скрыдлов А.Ю. Практики взаимодействия государства и научного сообщества в ходе статистического изучения России в первой половине XIX в. // *Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме*. Труды III всероссийской научной конференции. М., 2021. С. 367–371; Скрыдлов А.Ю. Российская школа государственоведения о предмете и методе статистической науки (конец XVIII – первая половина XIX в.) // *Социология науки и технологий*. Т. 12. 2021.

№ 2. С. 26–43; *Скрыдлов А.Ю.* Императорская Академия наук в организации статистических исследований в России // Вестник Российской академии наук. 2023. № 7. С. 646–654.

⁴ При публикации и в оглавлении записки Филатьева и Гольинского ошибочно датированы 1823 г.

⁵ См. также: *Горизонтов Л.Е.* В поисках внутреннего равновесия: вопрос об изменении территориально-административного деления Российской империи в 1830–1840-е гг. // Пётр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 320–321.

⁶ *Lincoln W.B.* In the Vanguard of Reform: Russia's Enlightened Bureaucrats, 1825–1861. DeKalb, 1982. P. 119.

⁷ Ibid. P. 118. Подробнее об этих программах см.: *Вальская Б.А.* Об экономико-географическом изучении России Статистическим отделением Министерства внутренних дел в 1835–1852 гг. // Вопросы географии. Сборник 31. М., 1953. С. 291–316.

⁸ Подробнее о ней см.: *Скрыдлов А.Ю.* Из истории создания Отделения статистики Русского географического общества – первого научного объединения статистиков в России // Социология науки и технологий. Т. 10. 2019. № 2. С. 7–21.

⁹ Такова была общеевропейская тенденция. См.: История медицины и медицинской географии в России / Под ред. Е. Вишленковой и А. Реннера. М., 2021. С. 225.

¹⁰ Подробнее см.: *Скрыдлов А.Ю.* Академик Карл Фёдорович Герман и истоки декабризма: взгляды учёного на устройство государства и общества // Петербургский исторический журнал. 2017. № 3(15). С. 250–258; *Скрыдлов А.Ю.* «Дело профессоров» Санкт-Петербургского университета 1821 г. в истории российской статистики // Genesis: исторические исследования. 2021. № 11. С. 156–168.

¹¹ О цензуре статистических сочинений см.: *Скрыдлов А.Ю.* Практики цензуры статистических сочинений в дореформенной России (конец XVIII – первая половина XIX вв.) // Исторический журнал: научные исследования. 2022. № 4. С. 130–144.

¹² *Корф М.А.* Дневник за 1838 год / Публ. И.В. Ружицкой. М., 2017. С. 63.

¹³ См., в частности: *Литвак Б.Г.* Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в. М., 1979. С. 142–205; История медицины и медицинской географии в России. С. 226; *Скрыдлов А.Ю.* Изучение медицинской статистики в пореформенной России: историко-научный обзор // Социология науки и технологий. Т. 13. 2022. № 2. С. 50–67.

¹⁴ *Морозова Е.Н.* Н.А. Милютин: замыслы и результаты (от полицейской реформы к созданию проектов эффективного местного управления). Саратов, 2019. С. 53; *Орловский Д.* Пределы реформ. Министерство внутренних дел Российской империи в 1802–1881 годах. СПб., 2022. С. 70.

¹⁵ *Lincoln W.B.* Op. cit. P. 118–121; *Лоскутова М.В.* «Сведения о климате, почве, образе хозяйства и господствующих растениях должны быть собраны...»: просвещённая бюрократия, гумбольдтовская наука и местное знание в Российской империи второй четверти XIX в. // Ab Imperio. 2012. № 4. С. 111–156.

¹⁶ *Христофоров И.А.* Судьба реформы: русское крепостное крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М., 2011. С. 81.

¹⁷ *Журавский Д.П.* Об источниках и употреблении статистических сведений. Киев, 1848. Подробнее см.: *Птуха М.В.* Д.П. Журавский. Жизнь, труды, статистическая деятельность. М., 1951.

¹⁸ *Христофоров И.А.* Судьба реформы... С. 81.